

ВЪ СЕРДЦЬ АЗИИ

Первый изслѣдователь Центральной Азіи
Николай Михайловичъ
Пржевальский

5

К-31

ВЪ СЕРДЦЪ АЗИИ

(Памяти Н. М. Пржевальского)

Очеркъ
П. Козлова

Съ 29 рисунками и портретами въ текстѣ, 2 картинами
въ краскахъ и картой путешествій Н. М. Пржевальского.

1914

*Незабвенної памяти учителя
Николая Михайловича Пржевальского
великаго изслѣдователя Центральной Азии
посвящаетъ свой трудъ
Ученикъ.*

23285

Тип. П. П. Сойкина, СПБ. Стремянная, № 12

ВЪ СЕРДЦЪ АЗІИ.

I. Ранніе годы Н. М. Пржевальского и его первыя двѣ экспедиціи въ Азію.

Двадцатаго октября 1913 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти великаго русскаго путешественника Пржевальского... Въ этотъ день Россія достойнымъ образомъ почтила свѣтлую память своего доблестнаго сына... Николай Михайловичъ Пржевальскій принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ счастливыхъ людей, ученая дѣятельность которыхъ еще при жизни была очѣнена, какъ въ своемъ отечествѣ, такъ и за границею... Имя Пржевальского довольно произнести, чтобы возвбудить въ слушателяхъ представление о чѣмъ-то великому и общеизвѣстномъ. Подобно маршалу Неї, Пржевальскій могъ сказать: «у менѣ нѣтъ знаменитыхъ предковъ, но я самъ буду хорошимъ предкомъ».

Пржевальскіе ведутъ свой родъ отъ запорожскаго казака Корнили Аникимовича Паровальскаго, поступившаго въ польскую службу и прінявшаго впослѣдствіи фамилію Пржевальскаго. Дѣдъ Николая Михайловича воспитывался въ юезуитской школѣ въ Полоцкѣ, но до окончанія курса бѣжалъ изъ училища и перешелъ въ православіе, принявъ имя Кузьмы Фомича. Одинъ изъ двухъ сыновей послѣдняго, а именно Михаиль Кузьмичъ, женившійся на дочери помѣщика Смоленской губерніи, Еленѣ Алексѣевнѣ Каретниковой, есть отецъ Николая Михайловича (род. 31 марта 1839 года).

Михаиль Кузьмичъ, будучи слабаго здоровья, оставилъ военную службу въ чинѣ поручика и, вскорѣ послѣ женитьбы, основался на житѣ въ той же Смоленской губерніи и уѣздѣ, въ имѣніи «Отрадномъ», рядомъ съ родовыми гнѣздомъ своей жены.

Въ «Отрадномъ» Николай Михайловичъ провелъ годы самой ранней молодости и былъ подготовленъ къ поступленію въ Смоленскую гимназию. Блестящія способности и феноменаль-

ная память скоро сдѣлали Николая Михайловича однимъ изъ первыхъ учениковъ. Имѣя всего 16 лѣтъ, онъ уже окончилъ курсъ гимназіи, какъ человѣкъ впечатлительный и энергичный, подъ впечатлѣніемъ геройскихъ подвиговъ защитниковъ Севастополя, рвался на войну.

— «Наконецъ,—говорить Николай Михайловичъ,—наступила роковая минута. Меня позвали къ матери; я вошелъ въ залъ. У большого образа теплилась лампада, а на колѣняхъ передъ нимъ, съ горячими слезами, молилась мать моя. Въ углу стояла няня, нѣсколько дворовыхъ, и всѣ плакали. «Станьте здѣсь и молитесь»,— обратилась ко мнѣ и брату мать. Мы молча исполнили ея приказаніе. Глубокая тишина водворилась въ комнатѣ, изрѣдка прерываемая тяжкими вздохами. Наконецъ, мать встала и взяла образъ; я пошелъ къ ней.—«Да сохранитъ тебя Господь Богъ во всей твоей жизни»,— сказала она и начала благословлять. Этой минуты не вынесла моя переполненная душа. Долго сдерживаемыя слезы разомъ брызнули изъ глазъ, и я зарыдалъ, какъ ребенокъ»...

Служба въ полку велась очень плохо: на юнкеровъ не обращали вниманія, офицеры проводили время среди картъ и кутежей. Поступившему въ полкъ новичку трудно было не поддаться общему теченію, но если воздержаніе ему удавалось, то онъ заслуживалъ общее уваженіе среди товарищей-кутиль. Николай Михайловичъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ ротныхъ командировъ, который, заставляя его пить и получивъ отказъ, сказалъ:

— Изъ тебя, братъ, прокъ будетъ.

— Онъ не нашъ,— говорили другіе офицеры:— а только среди насъ.

«Прослуживъ пять лѣтъ въ арміи», пишетъ Пржевальскій, «потаскавшись въ караулѣ и по всевозможнымъ

гауптвахтамъ и на стрѣльбу со взвѣдомъ, я, наконецъ, ясно созналъ необходимость измѣнить подобный образъ жизни и избрать болѣе обширное поприще дѣятельности, гдѣ бы можно было тратить трудъ и время для разумной цѣли»...

Тогда онъ рѣшилъ основательно учиться и вскорѣ поступилъ въ Николаевскую академію генерального штаба. Въ маѣ 1863 года, съ началомъ польского восстания, всѣмъ офицерамъ старшаго курса въ академіи было предложено, по желанію, неѣздивши на съемку, отправиться въ Польшу, съ правами второго разряда окончанія академіи. Въ числѣ первыхъ желающихъ былъ и Пржевальскій, рѣшившійся возвратиться въ свой полкъ. Въ юлѣ 1863 года онъ былъ произведенъ въ поручики и затѣмъ вскорѣ назначенъ полковымъ адъютантомъ.

Пользуясь своимъ вліяніемъ на офицеровъ полка, Николай Михайловичъ однажды спасъ, съ помощью ихъ, одного изъ товарищѣ отъ суда за растрату (по опрометчивости) казенныхъ денегъ. «Товарищъ нашъ, поручикъ К.,—писалъ имъ Н. М. Пржевальскій,—при сдачѣ должности полкового квартирмейстера, оказался виновнымъ въ растратѣ... и долженъ поплатиться своею службою. Но дѣло еще не безвозвратно, еще отъ насъ зависитъ спасти или погубить его... Неужели мы будемъ хладнокровно смотрѣть, когда товарищъ нашъ надѣнетъ солдатскую шинель и съ горькими упреками и проклятиемъ будетъ вспоминать ту минуту, когда мы сдѣлали его квартирмейстеромъ? Нѣтъ, мы не допустимъ этого... мы... лажа жаритъ... что... общество... нашего полка руководствуется иными, болѣе широкими принципами. Мы выручимъ К. Тогда каждый изъ насъ, съ полнымъ сознаніемъ величія и благородства своего поступка, можетъ съ гордостью сказать: «я спасъ своего товарища, я сдѣлалъ святое, честное дѣло».

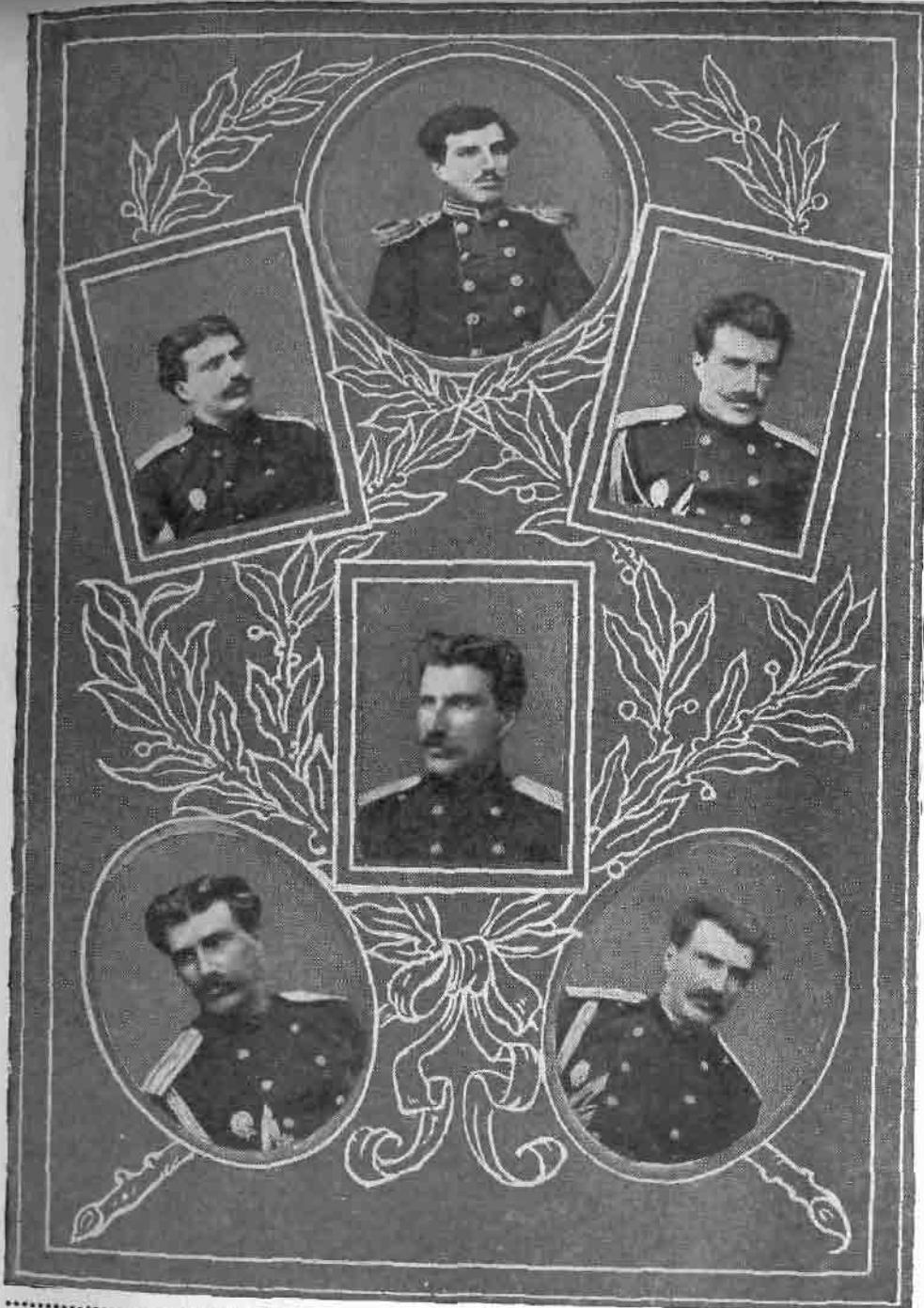
Это письмо-воззваніе спасло офицера, спасло его семью и честь полка.

Свои періодическіе отпуски Н. М. Пржевальскій неизмѣнно проводилъ въ «Отрадномъ», среди любимой имъ охоты и серьезнаго изученія ботаники и зоологии. Чѣмъ больше онъ углублялся въ эти занятія, тѣмъ сильнѣе имъ овладѣвала мысль о путешествіи по Азіи. Жажда знаній могла быть удовлетворена только въ какомъ-нибудь научномъ центрѣ, и Николай Михайловичъ исхлопоталъ себѣ для этого назначеніе взвѣднымъ офицеромъ, преподавателемъ исторіи и географіи въ Варшавскомъ юнкерскомъ училищѣ.

Пржевальскій оказался прекраснымъ лекторомъ: говорилъ громко, ясно и удивлялъ юнкеровъ цитированіемъ на память обширныхъ выдержекъ изъ трудовъ самыхъ блестящихъ представителей науки. Система поблажекъ любимчикамъ у него совершенно отсутствовала. На всѣ докучливыя моленія о прибавкѣ балловъ онъ отвѣчалъ юнкерамъ: «Не буду ли я вамъ, юноши, смѣшень и жалокъ послѣ такой уступки?.. Вспомните прекрасныя слова: «я знаю одинъ народъ—человѣчество, одинъ законъ—справедливость».

Настольными книгами Николая Михайловича были: «Картины природы» Гумбольдта, «Азія» Риттера и другія сочиненія по Азіи. На приобрѣтеніе научныхъ сочиненій по своей специальности онъ затрачивалъ почти всѣ свободныя деньги. Въ немъ обнаруживалась не одна громадная начитанность, но и умѣніе широко обобщать и блестяще систематизировать. Свою вдохновенной рѣчью онъ увлекалъ другихъ. «Ваше письмо», писалъ ему одинъ изъ товарищѣ много... лѣтъ... спустя... «какъ... нѣкогда ваше присутствіе, имѣть что-то такое, что будить душу, требуетъ... оглядки. Вы были мнѣ близки, какъ... человѣкъ, возлѣ котораго всегда глубже чувствовалось, шире думалось»...

Природа съ ея красотами манила къ себѣ Пржевальскаго постоянно, и мысль о путешествіи въ неизвѣстные края Азіи росла въ немъ съ неодолимой силой...

Николай Михайлович Пржевальский
въ различные возрасты, отъ 17-ти до 42-хъ лѣтъ.

...«Въ 1867 году я впервые познакомился съ Николаемъ Михайловичемъ,— говоритъ вице-предѣдатель Императорскаго русскаго географическаго общества, П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій: «черезъ мое посредство онъ обратился тогда въ первый разъ за помощью и покровительствомъ къ Географическому обществу, объяснивъ мнѣ свои намѣренія заняться путешествиемъ въ Средней Азіи. Въ то время Общество крайне рѣдко помогало материальными средствами молодымъ путешественникамъ, отправляющимся въ путешествие по собственной инициативѣ, можетъ быть потому, что такая инициатива проявлялась еще слишкомъ рѣдко; но отъ времени до времени оно снаряжало свои экспедиціи, подбирая въ составъ ихъ исключительно лицъ уже извѣстныхъ своими научными трудами и рекомендемыхъ организаторами экспедицій. Н. М. Пржевальскій былъ въ научномъ мѣрѣ еще совершенно неизвѣстною величиной, и дать пособіе ему на его предпріятіе, а тѣмъ болѣе организовать подъ его руководствомъ цѣлую экспедицію, совѣтъ Общества не рѣшился»... Слѣдуетъ замѣтить, что молодой, энергичный Пржевальскій произвелъ на П. П. Семенова-Тянъ-Шанскаго сильное впечатлѣніе и П. П., боясь разстаться съ нимъ навсегда, обѣщалъ Николаю Михайловичу, что если онъ на собственные средства сдѣлаетъ какія бы то ни было интересныя поїздки и изслѣдованія въ Уссурійскомъ краѣ, которыми докажетъ свою способность къ путешествіямъ и географическимъ изслѣдованіямъ, то, по возвращеніи изъ Сибири, эта можетъ надѣяться на организацію со стороны Общества, подъ его руководствомъ, болѣе серьезной и обстоятельной экспедиціи въ Среднюю Азію.

Пржевальскій отправился въ Иркутскъ, где просвѣщенный генералъ Кукель встрѣтилъ его благосклонно и нашелъ возможнымъ дать ему командировку въ Уссурійскій край; сверхъ того, Сибирскій отдѣль гео-

графического общ. поручилъ ему опи- сать флору и фауну, и собрать зоологическую и ботаническую коллекціи.

Итакъ, завѣтное желаніе Николая Михайловича исполнилось. Новая обстановка произвела на него сильное впечатлѣніе, и Сибирь его поразила: «дикость, ширь, свобода безконечно мнѣ понравились»,— говорилъ Николай Михайловичъ.

Особенное вниманіе Пржевальскаго (теперь уже путешественника) привлекли къ себѣ картины по Амуру, тамъ, где хвойные лѣса исчезаютъ, а являются лиственные, самыхъ роскошныхъ размѣровъ; где къ европейскимъ породамъ—дубу, липѣ и клену—примѣшивается грѣцкій орѣхъ и пробковое дерево. «Охотничья собака отыскиваетъ вамъ», пишетъ Пржевальскій, «медвѣдя или соболя и тутъ же рядомъ можно встрѣтить тигра, не уступающаго по величинѣ и силѣ обитателю джунглей Бенгаліи. И торжественное величіе здѣшней природы не нарушается присутствиемъ человѣка; развѣ изрѣдка прорѣдетъ звѣроловъ или раскинетъ свою юрту кочующій дикарь, но тѣмъ скорѣе дополнить, нежели нарушить, картину дикой, дѣвственной природы»...

Однажды, на экскурсіи, Николай Михайловичъ столкнулся съ такимъ гигантомъ медвѣдемъ, который своими размѣрами превосходилъ всѣхъ видѣнныхъ и добытыхъ кѣмъ-либо въ Восточной Сибири. «Будучи пробитъ первой пулею», пишетъ Пржевальскій, «на разстояніи сорока шаговъ, медвѣдь съ ревомъ бросился на меня... Когда раззяренный звѣрь приблизился шаговъ на пять, я спустилъ курокъ, и медвѣдь, съ простирающимица передпомъ, слышина сюда, рухнулся на землю. Конечно, это было дѣло нѣсколькихъ мгновеній, но эти мгновенія не изгладятся изъ моей памяти цѣлую жизнь, и черезъ много лѣтъ все такъ же ясно, какъ въ ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кроваваго цвѣта языка и громадные зубы»...

Послѣ сибирскихъ тундръ и озеръ Николай Михайловичъ особенно вос-

хищался величіемъ Японского моря. «Присядешь бывало,—говорилъ онъ,—на вершинѣ утеса, заглядишься на синѣющую даль моря, и сколько различныхъ мыслей зароится въ головѣ! Воображенію рисуются далекія страны, съ иными людьми и съ иною природою, тѣ страны, гдѣ царствуетъ вѣчная весна, и гдѣ волны того же самаго океана омываютъ берега, окаймленные пальмовыми лѣсами. Казалось, такъ бы и полетѣлъ туда, стрѣлою, посмотрѣть на всѣ эти чудеса, на этотъ храмъ природы, полный жизни и гармоніи! Погрузится затѣмъ мысль въ туманъ прошедшихъ вѣковъ, и океанъ является передъ нею въ еще большемъ величию. Вѣдь онъ существовалъ и тогда, когда ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планѣте, когда и самой суши еще было немного! На его глазахъ и, вѣроятно, въ его же нѣдрахъ, возникло первое органическое существо! Онъ питалъ его своею влагою, убаюкивалъ своими волнами! Онъ давнишній старожилъ земли; онъ лучше всякаго геолога знаетъ ея

Китайскіе хашены—служители при пагодахъ или китайскихъ кумирняхъ.

исторію, и развѣ только немногія горные породы старѣ маститаго океана!..

Въянварѣ 1870 года Н. М. Пржевальскій прибыль въ Петербургъ, а въ мартѣ сдѣлалъ сообщеніе въ Географическомъ обществѣ, охарактеризовавъ строеніе Уссурійскаго края и его климатъ, флору, фауну, и, наконецъ, его иородческое населеніе.

Императорское Географическое общество почтило труды Пржевальской

го серебряною медалью, а Военное министерство—переводомъ въ генеральный штабъ.

Окончивъ затѣмъ описание «путешествія въ Уссурійскій край», Николай Михайловичъ обратился въ соѣднѣ Географического общества съ просьбою исходатайствовать ему разрешеніе отправиться въ сѣверную окраину Китая и преимущественно въ малоизвѣстныя страны верхняго теченія Желтой рѣки, въ земли ордосовъ и Куку-норъ.

П. П. Семеновъ-Тянъ-Шанскій сдерживалъ свое слово. Предложеніе Пржевальскаго было принято съ большими сочувствіемъ, и его экспедиція

Верблюды въ Гобійской пустынѣ.

осуществилась. Въ январѣ 1871 года Пржевальскій со своимъ спутникомъ Пыльбовимъ совершаєтъ переходъ на верблюдахъ поперекъ монотонной монгольской пустыни. По цѣлымъ недѣлямъ мѣрно шагаютъ тяжело навьюченные верблюды, идутъ десятки, сотни верстъ, но степь не измѣняетъ своего характера, а остается попрежнему угрюмой и непривѣтливой.

Зато, попавъ въ Алашаньской хребтъ, Николай Михайловичъ проводитъ въ этихъ горахъ не сколько недѣль и, какъ любящій свое дѣло натуралисътъ, цѣлыми днями охотится съ ружьемъ за птицами. «Взобравшись на высокую вершину»,—говоритъ Пржевальскій,—«съ которой открывается далекій горизонтъ на всѣ стороны, чувствуешь себя свободнѣе и по цѣломъ часу любуешься панорамою, которая разстилается подъ ногами. Громадныя, отвѣсныя скалы, запирающія мрачныя ущелья или увѣнчивающія собою вершины горъ, также имѣютъ много прелести въ своей оригинальной дикости. Я часто оставался въ такихъ мѣстахъ, сидя на камень и прислушиваясь къ окружающей меня тишинѣ. Она не нарушилась здѣсь ни творомъ людскихъ рѣчей, ни суматохою обыденной жизни. Лишь изрѣдка воркованье каменнааго голубя и пискливый крикъ клушицы; проползть по отвѣсной стѣнѣ краснокрылый стѣнолазъ или, наконецъ, высоко изъ подъ облаковъ съ шумомъ спустится къ своему гнѣзу грифъ, а затѣмъ, по-

прежнему, кругомъ все станеть тихо и спокойно... А тамъ внизу, на востокѣ, узкою лентою блеститъ рѣка, и словно алмазы сверкаютъ многочисленныя озера; къ западу—широкою полосою уходящею изъ глазъ сыпучіе пески пустыни, на желтомъ фонѣ которыхъ, подобно островамъ, пестрѣютъ зеленѣющіе оазисы глинистой почвы. Такая панorama очаровательна! Она доставляетъ истинное наслажденіе, мирить со всѣмъ окружающимъ и увлекаетъ въ мѣръ поэтический, чистый и безстрастный».

По оставленію Алашана, Пржевальскій вступилъ въ Гань-су. Голубая окраска прозрачнаго неба, дикія скалы, дѣственныя лѣса береговъ Тэтунга постоянно ласкали глазъ путешественника, въ особенности при стоянкѣ въ окрестности горы Сади-Саруксумъ.

Между тѣмъ, провинція Гань-су, въ которой находилась экспедиція, была объята мятежнымъ движениемъ дунгандъ. Смѣлость Пржевальскаго и полное игнорированіе имъ разбой-

никовъ скоро расположили къ нему мѣстныхъ обитателей, въ особенности же проходившій вътихомолку монгольскій кара-ланъ, чѣмъ Николаю Михайловичу удалось отправиться въ желаюмъ напрѣленіи—къ Тибету. По мѣрѣ того, какъ экспедиція подвигалась вглубь Центральной Азіи, стоявшая молва опрежала ее рассказами о необыкновенныхъ людяхъ. Туземцы говорили, что это полубоги, не боящіеся раз-

Охота въ алашаньскихъ горахъ за куну-чиминами (*Pseudois naoro*).

Оазисъ—городъ Алашань. Видъ на осокоръ (*Ulmus*).

Монгольский караванъ въ пустынѣ Гоби

бойниковъ-дунганъ, что они загово-
рены отъ пуль, вооружены небыва-
лыми ружьями и, въ случаѣ нападе-
нія, по повелѣнію главнаго, является
тысяча невидимыхъ людей и сра-
жается за него. Вѣра въ Пржеваль-
ского была огромная.

За Цайдамомъ путешественники поднялись на тибетское нагорье, гдѣ вскорѣ застигли ихъ суровые морозы. Весною же 1873 года экспедиція направилась въ обратный путь черезъ Гань-су и Алашань, задержавшись вновь въ горахъ въ цѣляхъ попол-
ненія естественно-
историческихъ коллекцій.

Затѣмъ остался послѣдній періодъ путеше-
ствія. Истомленные физически, наши путеше-
нники дѣлали уси-
ленные переходы по пустынѣ Гоби, въ пескахъ кото-
рой чуть не по-
гибли отъ зноя и безводія. Научен-
ные горькимъ опы-
томъ, и желая из-
бѣгнуть жары, они
вставали очень рано, до разсвѣта, но вы-
люченіе верблюдовъ отнимало много
времени и выходить приходилось все-
таки съ восходомъ солнца. Урга, словно земля обѣтованная, манила
къ себѣ сильнѣе и сильнѣе. Высчи-
тывались не только дни, но и часы,

Цайдамскій монголь.

когда наступить конецъ утомительно-
му путешествію.

«Нужно видѣть», пишетъ Прже-
вальскій, «въ какомъ состояніи наше
одѣяніе. Сапогъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ
разорванные унты; сюртукъ и штаны
всѣ въ дырахъ и заплатахъ, фуражки
походятъ на старую выброшенную
тряпку, рубашки поизорвались». Въ
такомъ видѣ и съ огромными лице-
ніями караванъ достигъ долины Толы...
День 5-го сентября былъ счастли-
вѣйшимъ днемъ путешественниковъ:

они попали въ род-
ную среду, въ род-
ное русское кон-
сультство...

«Путешествіе
наше кончилось»,
пишетъ Николай
Михайловичъ.
«Его успѣхъ пре-
взошелъ даже тѣ
надежды, которыя
мы имѣли, пере-
ступая въ первый
разъ границу Мон-
голіи».

Столица нетер-
пѣливо ждала путеше-
ственника и встрѣтила его (съ
его достойнымъ
спутникомъ) съ

распростертymi объятіями. Импе-
раторское Географическое общество
поднесло Пржевальскому своего рода
вѣнокъ — Константиновскую медаль.

Съ большимъ сочувствіемъ относится
къ Пржевальскому и тогдашній воен-
ный министръ, графъ Д. А. Милютинъ.

II. Второе путешествіе въ Центральной Азіи. — Отъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобъ-норъ.

Еще въ то время, когда писалась «Монголія и страна тангутовъ», Н. М. Пржевальскій мечталъ уже о новомъ путешествіи и разрабатывалъ планъ его. «Я не намѣренъ успо-
коиться», сообщалъ онъ одному изъ друзей, «и въ концѣ будущаго (1875) года, лишь только кончу второй томъ

своего писанія, снова отправлюсь на два года въ Тибетъ».

Особенно сочувственные отзывы ми-
нистровъ военного и иностраннѣхъ
дѣлъ дали возможность совѣту Гео-
графического общества просить Ав-
густійшаго предсѣдателя, великаго
князя Константина Николаевича, ис-

ходатайствовать на экспедицию Пржевальского просимую имъ сумму, изъ средствъ государственного казначейства. Его Высочество исходатайствовалъ деньги, и при этомъ выразилъ увѣренность, «что экспедиція Пржевальского принесетъ обильные плоды для науки и честь тѣмъ учрежденіямъ, которые примутъ на себя заботы къ ея скорѣйшему осуществленію»...

20-го августа 1875 года Пржевальский выступилъ съ экспедиціей изъ Кульджи за Тянь-Шань и на Лобноръ. «Илійская долина, говорить онъ, это Азіатская Ломбардія по своему климату и плодородію: отдавать такой уголокъ китайцамъ, право, не слѣдуетъ». Долиною Кунгеса и Цагма экспедиція достигла Юлдуса, что значитъ звѣзда, отъ множества озерковъ, блестящихъ на солнцѣ въ видѣ звѣздъ, разсыпанныхъ по зеленымъ богатымъ пастбищамъ этой привольной страны.

— Мѣсто прекрасное, прохладное и корминое,—говорили торгоуты Пржевальскому, рассказывая про Юлдусъ:— только и жить господамъ да скотинѣ.

Послѣ ознакомленія съ Юлдусомъ, Пржевальский поѣхалъ въ городъ Курля—резиденцію Якубъ-бека кашкарскаго. Еще по дорогѣ сюда, экспедиція уже была привѣтствована послами Бодуалета, или «Счастливца», какъ кашгарцы называли своего хана, который въ высшей степени интересовался путешественниками. Въ Курлѣ былъ отведенъ для нихъ особый домъ въ города и приставленъ карауль, подъ предлогомъ охраненія. «Въ сущности же для того», говоритъ Пржевальский, «чтобы не допускать сюда никого изъ мѣстныхъ жителей, вообще крайне недовольныхъ правлениемъ Якубъ-бека». Будучи очень подозрительнымъ, Якубъ-бекъ недовѣрчиво отнесся и къ мирнымъ научнымъ цѣлямъ Пржевальского.

Разубѣдить хана было трудно, но еще труднѣе было получить свободный пропускъ на югъ, къ берегамъ таинственного Лобнора. Наконецъ, онъ былъ полученъ, и экспедиція радостно двинулась по бассейну Тарима. Итти съ верблюдами было очень трудно, такъ какъ приходилось проби-

Цайдамская равнина.

ваться по льсу или густымъ колючимъ кустарникомъ, иногда же по высокому тростнику, корни котораго, словно жгетъзная щетка, израниваютъ до крови верблюжьи пятки. Въ попутномъ большиомъ селеніи Ахтарма, окруженному льсами и необъятными площадями тростника, въ которомъ водятся тигры, Пржевальскій провелъ восемь дней, но ему не удалось убить ни одного тигра. Охота на тигра вообще, кроме опасности, весьма трудна, по чуткости звѣря, и мѣстные жители для добыванія его шкуры употребляютъ обычно отраву.

Вторую половину зимы экспедиція провела въ изслѣдованіяхъ открытаго ею хребта Алтынъ-тага, а весну 1877 года на берегу Лобъ-нора. Это собственно не озеро, а огромное тростниковое болото, на которомъ, периодически, собираются миллионы плавающихъ птицъ, въ особенности утокъ, за которыми наблюдали и охотились путешественники.

Пользуясь миролюбіемъ и добродушіемъ лобнорцевъ, Пржевальскій свободно плавалъ въ лодкѣ по Лобнору и изучалъ бытъ мѣстныхъ обитателей. «Это такие дикари, писать онъ, какихъ я не видывалъ даже въ лѣсахъ Амура, среди тамошнихъ кочевыхъ инородцевъ. Бѣдный и слабый физически лобнорецъ или каракурчинецъ, бѣденъ и нравственно. Весь міръ его понятій и желаній заключенъ въ тѣсныя рамки окружающей среды, вѣтъ которой этотъ человѣкъ ничего не знаетъ. Лодки, сѣти, рыба, утки, тростникъ—вотъ тѣ предметы, которыми только и надѣлила несчастнаго мачеха-природа. Сидя въ сырой тростниковой загороди, среди полунагихъ обита-

телей одной изъ деревень Кара-курчина, я невольно думалъ: сколько вѣковъ прогресса отдѣляютъ меня отъ моихъ сосѣдей? И какъ велика сила человѣческаго гenія, если изъ подобныхъ людей, каковыми, по всему вѣроятію, были наши далекіе предки, могли сдѣлаться нынѣшніе европейцы. Съ тупымъ удивленіемъ смотрѣли на меня лобнорские дикари, но не менѣе того интересовался и я ими. Было слишкомъ много маинящаго и оригинального во всей окружающей обстановкѣ, среди далекаго, невѣдо-

мого озера, въ кругу людей, живо напоминавшихъ собою примитивный бытъ человѣчества»...

Однако, продолжительная напряженная дѣятельность давала себя чувствовать, въ особенности на обратномъ пути въ Зайсанъ, когда Н. М. Пржевальскій сильно страдалъ отъ зловреднаго зуда, заполученного отъ соленой пыли Лобъ-нора. Всѣ доктора, къ которымъ Пржевальскій обращался по прѣздѣ въ Петербургъ, находили, что болѣзнь его происходила главнымъ образомъ отъ нервнаго разстройства, вызваннаго общимъ утомлениемъ организма. «Наилучшее лѣкарство, говорили они, купанье и жизнь въ деревнѣ, чemu я очень радъ», писалъ Николай Михайловичъ. «Изъ Питера поѣду прямо въ «Отрадное», родное гнѣздо, не останавливаясь въ Смоленскѣ»...

Такія чувства испытывалъ Николай Михайловичъ Пржевальскій на исходѣ своего второго путешествія, уже готовый къ новымъ подвигамъ.

«Бури грозны миновали,
Выплылъ на берегъ пловецъ,
Но ему вѣдь не сказали,
Что всѣмъ бурямъ ужъ конецъ»..

Антилопа хара-(султа *Gazella subgutturosa*).

Типы тибетцевъ.

III. Третье путешествіе: изъ Зайсана черезъ Хамы въ Тибеть и на верховья Желтой рѣки.

Деревенское приволье значительно возстановило силы Пржевальского, и онъ началъ мечтать о третьемъ путешествіи въ Центральной Азіи. Счастье опять улынулось ему.

Съ разгорѣвшейся весенней зарей, 21-го марта 1870 года, караванъ былъ готовъ къ выступленію изъ Зайсана. Впереди, поодаль, слѣдовала верхомъ Пржевальскій съ однимъ казакомъ и проводникомъ. Выйдя изъ города и вытянувшись по дорогѣ, караванъ остановился. Николай Михайловичъ внимательно объѣхалъ его и приказалъ двигаться: путешествіе началось.

Опять поперекъ великой пустыни, опять поперекъ высокаго Нань-Шаня, въ области котораго Пржевальскому удалось открыть два отдѣльныхъ, самостоятельныхъ снѣговыхъ хребта, названныхъ имъ именами великихъ

географовъ—Гумбольдта и Риттера. Стоя на одномъ изъ многочисленныхъ ледниковъ хребта Гумбольдта, Пржевальскій восторженно говорить: «Нигогда еще до сихъ поръ я не поднимался такъ высоко—17.000 футовъ надъ моремъ, никогда въ жизни не оглядывалъ такого обширнаго горизонта. Дивная панорама горъ, освѣщенныхъ солнцемъ, разстилалась подъ ногами. Весь поглощаешься созерцаніемъ величественной картины. Легко, свободно сердцу на этой выси, на этихъ ступеняхъ, ведущихъ къ небу, лицомъ къ лицу съ грандіозною природою, вдали отъ всей суэты и скверны житейской. Хоть на минуту становишься, дѣйствительно, духовнымъ существомъ, отрываешься отъ обыденныхъ мелочнѣхъ помысловъ»...

За Нань-Шанемъ и Цайдамомъ начался второй періодъ путешествія,

болѣе интересный, какъ по своему характеру впереди лежащихъ мѣстностей, такъ и по ихъ совершенной неизвѣстности. Грандіозная природа Азіи озnamеновала себя тамъ духомъ подавляющей массивности, въ видѣ тибетскаго нагорья, поднятаго отъ 13-15.000 до 18.000 футовъ надъ моремъ. Вдоль многочисленныхъ рѣкъ и долинъ Тибета проявляются богатѣйшія пастбища, по которымъ привольно пасутся дикія млекопитающія. Встрѣчая на пути, иногда въ продолженіе цѣлаго дня, сотенные стада яковъ, хулановъ и множество антилопъ, Пржевальскій вначалѣ съ трудомъ вѣрилъ, что то могли быть дикія животныя, которыхъ притомъ обыкновенно довѣрчиво подпускали къ себѣ человѣка, еще не зная въ немъ самаго злого врага своего.

По мѣрѣ проникновенія экспедиціи въ глубь «завѣтной» страны, и по мѣрѣ приближенія зимы, тибетское нагорье давало себя чувствовать, въ особенности разрѣженный воздухъ, въ конецъ обезсиливающей организмъ... Всюду валялись людскіе черепа и кости караванныхъ животныхъ, напоминающие о трудной борьбѣ человѣка съ грандіозною природою. На переходахъ, даже небольшихъ, участники экспедиціи сильно уставали, такъ какъ, помимо выученія и развыученія верблюдовъ, дорогой имѣли на себѣ ружья, патроны и проч., всего чуть не по полупуду тяжести...

День перехода экспедиціи черезъ вершину Танъ-ла, седьмого ноября 1879 года, былъ означенъ нападениемъ тибетскихъ разбойниковъ-еграевъ. Пржевальскій съ отрядомъ

открылъ огонь, и послѣ первого залпа еграи бросились на утекъ, потерявъ четырехъ человѣкъ убитыми и нѣсколькихъ ранеными.

Исторія на Танъ-ла быстро облетѣла окрестности, и впереди лежащіе населенные пункты пришли въ смутеніе, преградивъ дорогу экспедиціи. Сторожевые посты твердили: «не пустимъ, пока не получимъ отвѣта изъ Лхасы—столицы Тибета».

Прошло шестнадцать сутокъ, прежде чѣмъ былъ полученъ отвѣтъ, и все это время Пржевальскій былъ въ тревожномъ состояніи. Онъ сознавалъ, что караванъ его заперты: спереди—въ деревнѣ Напчу, было собрано до тысячи солдатъ и милиции, а сзади, на Танъ-ла, несомнѣнно, еграи поджидали возвращенія путешественниковъ. Отвѣтъ же гласилъ слѣдующее: «по постановленію важныхъ сановниковъ Тибета, разрешено не пропускать русскихъ въ Лхасу»...

...Итакъ, не дойдя всего двухсотъ пятидесяти верстъ до столицы Тибета, Пржевальскій долженъ былъ повернуть назадъ. «Трудно описать», говорить онъ въ письмѣ къ посланнику въ Пекинѣ, «съ какимъ грустнымъ чувствомъ повернулся я въ обратный путь! но видно такая моя судьба! пусть другой, болѣе счастливый путешественникъ, докончить недоконченное мною въ Азіи. Съ моей же стороны сдѣлано все, что возможно было сдѣлать».

Весна и лѣто были проведены экспедиціей въ верховья Желтой рѣки и на Куку-норъ... «Шестого июня», записалъ Пржевальскій, въ своемъ дневникѣ, «распрощались мы

Одинъ изъ друзей Н. М. Пржевальского—чойбазинъ гаганъ, буддийский святитель, перерождение. По учению Будды, душа безсмертия и бессмертно переносится.

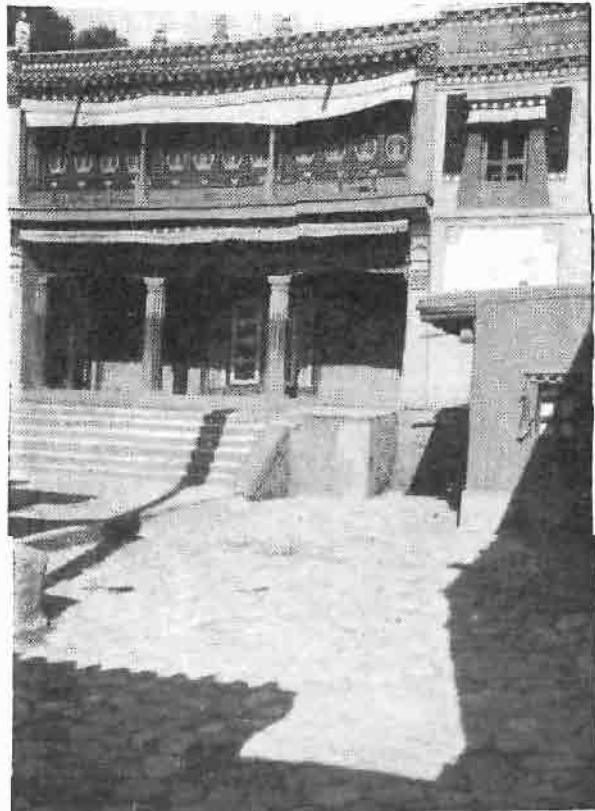
сь Куку-норомъ, вѣроятно, уже на-
всегда. Передъ отходомъ я нѣсколько
минутъ пристально глядѣлъ на кра-
сивое озеро, стараясь живѣ запе-
чатлѣть въ памяти его панораму»...

Еще болѣе трогательно прощался Николай Михайловичъ съ горами Гань-
су, среди которыхъ темной змѣй из-
вивается и сердито клокочетъ пѣни-
стыми брызгами его любимецъ—гордый
красавецъ Тэтунгъ... «На самомъ пе-
ревалѣ», говорить, онъ «въ ожиданіи
прихода отставшаго немногого кара-
вана, я нѣсколько минутъ пристально
смотрѣлъ на великолѣпную панораму
горъ. Оба хребта—на южной и на
сѣверной сторонѣ Тэтунга—раскиды-
вались предо мною и убѣгали въ даль
къ западу, теряясь въ легкомъ си-
неватомъ туманѣ, наполнявшемъ воз-
духъ. Любовался глазъ, радовалось
сердце. Но въ то же время грустное
чувство охватывало душу при мысли,

что скоро придется разставаться со
всѣми этими прелестями. Сколько
разъ завидовалъ я пролетавшему въ
это время мимо меня грифу, который
можетъ подняться еще выше и созер-
цать панорамы еще болѣе величе-
ственныхъ. Лучшимъ дѣлается человѣ-
къ въ такія минуты. Словно под-
нявшись въ высъ, онъ отрѣшается
отъ своихъ мелкихъ помысловъ и
страстей. Могу сказать, кто не бывалъ
на высокихъ горахъ, тотъ не знаетъ
грандіозныхъ красотъ природы!...

Спустились въ долину, и обста-
новка рѣзко измѣнилась: взамѣнъ
прятной прохлады горъ, экспедиція
встрѣтила сильную жару и чрезвычай-
ную сухость атмосферы. Раскален-
ная днемъ почва горячо дышала до
слѣдующаго утра, а тамъ опять ба-
ровымъ дискомъ показывалось днев-
ное свѣтило и быстро накаляло все,
что хотя немного успѣвало остывать
въ теченіе ночи.

Побуждаемые внутрен-
нимъ чувствомъ, путешест-
венники не испытывали тѣ-
перь особенной усталости
и изо-дня-въ-день ходко
подвигались къ Ургѣ... Толь-
ко послѣдній переходъ тя-
нулся невыносимо долго...
«Наконецъ», пишетъ Нико-
лай Михайловичъ, «съ перѣ-
вала передъ нами раскры-
лась широкая долина рѣки
Толы, а въ глубинѣ этой
долины, на бѣломъ фонѣ
недавно выпавшаго снѣга,
чернѣлся священный мон-
гольскій городъ Урга... Еще
два часа черепашней ходь-
бы—и, вдалѣ, замелькало
красивое зданіе нашего кон-
сультства. Обстановка пу-
стыни круто измѣнилась.
Попадали мы словно въ
иной міръ. Родное евро-
пейское чувствовалось уже
недалеко. Радушная встрѣ-
ча соотечественниковъ, обо-
юдные разспросы, письма
отъ друзей и родныхъ, теп-
лая комната, взамѣнъ хо-

Домъ тибетской архитектуры—зажиточного тибетца.

лодной юрты, разнообразные яства, чистое белье и платье—все это сразу настолько обновило насъ, что прошлое казалось презами обманчиваго сна»...

Своимъ возвращеніемъ въ Петербургъ Н. М. Пржевальскій вносилъ свѣжую, здоровую струю познанія, къ которому стремились всѣ жаждавшіе новаго слова географической науки. Своими блестящими лекціями Пржевальскій привлекалъ многочисленныя аудиторіи...

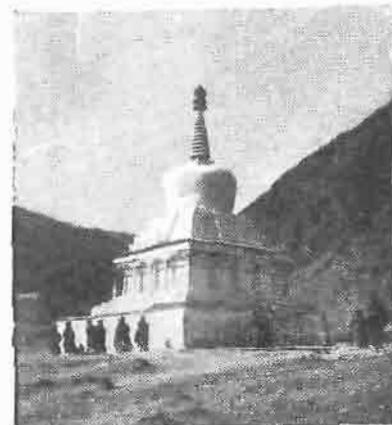
Петербургъ и родной Смоленскъ избрали путешественника въ почетные граждане; Московский университет—почетнымъ членомъ, равно какъ и Вѣнское, Итальянское и Дрезденское географическія общества. Пржевальскій благодариль всѣ эти общества, въ особенности Лондонское, присудившее ему золотую медаль.

Выставка зоологическихъ коллекцій путешественника, устроенная въ залахъ Академіи наукъ, привлекла многочисленныхъ посѣтителей и обратила на себя вниманіе Ихъ Величествъ. Государыня Императрица изъявила желаніе, чтобы Николай Михайловичъ въ нѣсколькоихъ бесѣдахъ сообщилъ Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, главнѣйшіе результаты, «кои» путешествія въ Средней Азіи.

Описаніе своего путешествія Пржевальскій уже производилъ въ новомъ, только что приобрѣтенномъ имъ имѣніи Слобода, Смоленской губерніи, Порѣчского уѣзда. Въ немъ имѣется свыше двухъ тысячъ десятинъ земли, большую частью покрытой лѣсомъ, да и лѣсъ, какъ «Сибирская тайга», писалъ новый владѣлецъ, «а рядомъ лѣса потянулись на сотню верстъ.

Но все-таки это не исключаетъ желанія, и даже весьма солиднаго, побывать еще въ Азіи, погулять въ Тибетѣ и на верховьяхъ Хуанъ-хэ. Въ новомъ имѣніи будетъ только мое гнѣздо, изъ которого я буду летать въ глубь азіатскихъ пустынь»...

...Между тѣмъ съ приобрѣтеніемъ Николаемъ Михайловичемъ Слободы въ собственность, начинается и мое личное знакомство съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Я жиль тогда въ Слободѣ... я любить, и продолжаю еще сильно любить этотъ «далекій, дивный уголокъ»... Съ именемъ «Слобода» во мнѣ всегда просыпается первое самое сильное и самое глубокое воспо-

Субурганъ—надгробный памятникъ, воздвигнутый святымъ или вообще влиятельному сановнику—тибетцу или монголу.

минаніе о Пржевальскомъ. Вѣдь такъ недавно еще я только мечталъ, только грезилъ, какъ можетъ мечтать и грезить шестнадцатилѣтний мальчикъ подъ сильнымъ впечатлѣніемъ чтенія газетъ и журналовъ о возвращеніи въ Петербургъ славной экспедиціи Пржевальского,— мечталъ и грезилъ о далекихъ странахъ, о тѣхъ высокихъ нагорьяхъ Тибета, где картины дикой животной жизни напоминаютъ первобытный міръ, завидовалъ юнымъ сподвижникамъ Пржевальского, завидовалъ даже всѣмъ тѣмъ, кто могъ видѣть и слышать героя путешественника... мечталъ и грезилъ, «уудучи страшно далеко отъ реальной мысли когда-либо встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Пржевальскимъ... И вдругъ мечты и грэзы мои осуществились: вдругъ, неожиданно, тотъ великий Пржевальскій, къ которому было направлено все мое стремленіе, появился въ Слободѣ, очаровался ея дикой прелестью и поселился въ ней... При видѣ этого человѣка издали, при встрѣчѣ съ нимъ вблизи, со мною одинаково происхо-

дило что-то ужасное. Своей фигурой, движениями, голосомъ, своей оригинальной борлиной головой, онъ не походилъ на остальныхъ людей; глубокимъ же взглядомъ строгихъ красивыхъ голубыхъ глазъ, казалось, проникалъ въ самую душу... Когда я впервые увидалъ Пржевальского, то сразу узналъ его могучую фигуру, его властное, благородное, красивое лицо, его образъ—знакомый, родной мнѣ образъ, который уже давно былъ созданъ мною внутреннимъ воображениемъ.

Отъ Николая Михайловича неслась какая-то особенная струя, подчинявшая каждого его несравненной силѣ воли, энергіи и того высокаго обаянія, которое составляло отличительную черту характера Пржевальского. Еще ярче стало въ моей памяти его живое описание красоты горной природы, широкихъ пустынныхъ далей навѣвавшихъ поэтический просторъ, и еще сильнѣе захвачена была вся моя душа, весь я, влеченіемъ къ Пржевальскому... Какъ истый путешественникъ и чуткій знатокъ природы, Н. М. Пржевальский быстро зажегъ во мнѣ горячую любовь къ природѣ Азіи и какъ чистый и цѣлый человѣкъ подчинялъ силѣ своего обаянія. Въ его неимовѣрно жизненной энергии

Горный козелъ (*Capra sibirica*).

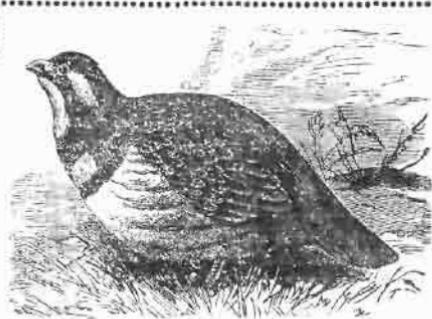

мое личное «я» растворилось и стало частицей его общаго собирательнаго имени. Тотъ день, когда я увидалъ первую улыбку, услышалъ первый задушевный голосъ, первый разсказъ о путешествии, впервые почувствовалъ подіѣ себя «легендарнаго» Пржевальского, когда я съ своей стороны въ первый разъ самъ смѣло и искренне заговорилъ съ нимъ—тотъ день я никоїда, никоїда не забуду; тотъ день для меня изъ знаменательныхъ знаменательный; тотъ

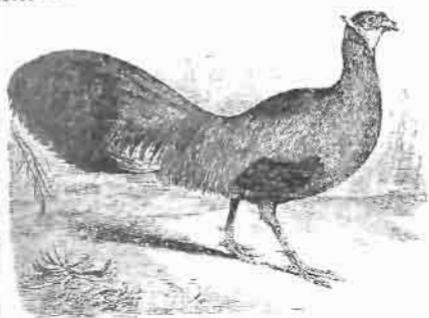
день рѣшилъ всю мою будущность, и я стала жить этой будущностью...

Осенью 1882 года я уже перешель подъ кровь Николая Михайловича и стала жить одною жизнью съ нимъ... Пржевальскій явился моимъ великимъ отцомъ: онъ воспитывалъ, училъ и руководилъ общей и частной подготовкой къ путешествию... Въ теченіе первыхъ дней, даже недѣль, подъ обаяніемъ новой свѣтлой жизни и постояннаго общенія съ Николаемъ Михайловичемъ, подъ обаяніемъ его восторженныхъ рассказовъ о прелестяхъ страннической жизни, о величию и красотѣ излюбленныхъ имъ горъ восточнаго Нань-Шана, о райскихъ уголкахъ Тэтунга, его дикой, чарующей и глазъ и душу природѣ, подъ обаяніемъ всего слышанного и въ особенности видѣннаго мною изъ предметовъ тѣхъ далекихъ странъ—мнѣ казалось, что я переживаю несбыточный сонъ; мнѣ чудилось, что я уже давно покинулъ Слободу, какъ какой-то неизвѣстный уголокъ, что Слобода теперь стала своего рода центромъ, что она сдѣлалась извѣстной всѣмъ географамъ міра... Въ Слободѣ съ Пржевальскимъ, съ этимъ свѣточемъ живой науки, я увидѣлъ болѣе широкій горизонтъ.

Къ общему нашему удовольствію и радости, въ январѣ 1883 года мнѣ удалось хорошо выдержать повѣро-

Улларъ или горная индейка (*Megaloperdix thibetanus*). Водится въ глубинахъ Центральной Азіи и является жителемъ высокихъ дикихъ горъ.

Ушастый фазанъ (*Crossoptilon auritum*).
ное испытаніе при Смоленскомъ реальномъ училишѣ, затѣмъ вскорѣ поступить въ Москву на военную службу,

въ званіи вольноопредѣляющагося, прослужить три мѣсяца и въ апрѣль быть зачисленнымъ по Высочайшему повелѣнію въ составъ новой четвертой экспедиціи Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Сбылось несбыточное... я уже официаъльно состоять при начальникѣ экспедиціи, полковникѣ Пржевальскомъ, его спутникомъ... Первой сознательной тихой радости моей не было конца... Въ концѣ апрѣля и началѣ мая — въ лучшій періодъ весны, я уже быть съ Николаемъ Михайловичемъ снова въ Слободѣ, и счастливый, безконечно счастливый, переживалъ мою первую весну настоящей жизни...

IV. Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи.—Отъ Кяхты на истоки Желтой рѣки.—Изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобъ-норъ по бассейну Тарима.

Наканунѣ новаго года была поставлена послѣдняя точка послѣдней главы книги, и въ первыхъ числахъ января 1883 года Пржевальскій отправился въ Петербургъ, гдѣ тотчасъ приступилъ къ печатанию своего труда и подаль въ соѣтъ общества проектия о новомъ, четвертомъ путешествіи въ Центральной Азіи. Пока разрѣшался вопросъ объ экспедиціи, Николай Михайловичъ окончилъ книгу и выпустилъ ее подъ заглавіемъ: «Изъ Зайсана черезъ Хами въ Тибетъ и на верховья Желтой рѣки».

Передъ самымъ отѣз-

домъ Пржевальскаго изъ Петербурга, Наслѣдникъ Цесаревичъ (при прощаніи) подарилъ ему зрительную трубу изъ алюминія. Этимъ дорогимъ подаркомъ путешественникъ гордился, поднимаясь на вершины горъ, во время четвертой экспедиціи, очень часто пользовался имъ, чувствуя въ душѣ глубокую благодарность къ имени Августѣшаго своего покровителя.

Въ Кяхтѣ Пржевальскій получилъ письмо воспитателя Царскихъ сыновей, генераль-адъютанта Даниловича. «Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ поручилъ

Сифинный грифъ (*Gyps himalayensis*) весьма распространенъ въ Гималаяхъ, по всему Тибету и Тань-Шаню. Птица имѣеть около десяти футовъ въ размахѣ крыльевъ.

мнъ (писаль онъ) переслать вамъ фотографическую карточку Его Императорского Высочества и Его Августейшаго брата... Если бы во время путешествия вамъ представилась бы возможность прислать вѣсть о вашемъ дѣлѣ въ дальний Петербургъ, адресуйте пакетъ на мое имя для представленія Государю Наслѣднику Цесаревичу. Не думайте при этомъ никакъ о редакціи вашего письма; для Его Высочества интересны будутъ всѣ извѣстія, написанныя или даже нацарапанныя вашею рукою»...

Въ концѣ октября 1883 года началось путешествіе Пржевальскаго въ Центральной Азіи. Онъ твердо шелъ и твердо вѣрилъ въ свою счастливую звѣзду, пересѣкшая третій разъпустынью Гоби и спѣша въ горы Гань-су и долину Тэтунга. «Здѣсь (говорить Николай Михайловичъ) прекрасные обширные мѣста съ быстротекущими по нимъ въ глубокихъ ущельяхъ

ручьями, роскошные альпійские луга, рядомъ съ дикими скалами и каменными смычами, внизу же быстрый извилистый Тэтунгъ, который шумно бурлитъ среди отвѣсныхъ громадъ,—все это сочетается въ такомъ грандиозномъ величи, мѣстами въ такихъ дивныхъ, ласкающихъ взоръ формахъ, какія не легко поддаются описанію. И еще сильнѣе чувствуется обаятельная прелесть этой чудной природы для путешественника, только что покинувшаго утомительно однообразный, безжизненный равнину Гоби»...

Здѣсь же на Тэтунгѣ впервые сознательно пробудилась и моя собственное влечение къ красотамъ дикой горной природы. Красавецъ Тэтунгъ, то грозный и величественный, то тихій и ровный, часами удерживалъ на своемъ берегу Пржевальскаго и меня, и повергъ моего учителя въ самое лучшее настроеніе, въ самые задушевные раз-

Петръ Кузьмичъ Козловъ — въ годъ спасо-
знакомства съ Н. М. Пржевальскимъ.

Водораздѣлъ Желтой и Голубой рекъ (Тибетъ).

Гора Шахеръ на правомъ берегу Тэтунга (китайская провинція Гань-су).

сказы о путешествіи. Любаясь Татунгомъ, его прозрачными стремительными волнами, прислушиваясь къ голосамъ ушастыхъ фазановъ, зеленыхъ сэрмуновъ и мелодичному пѣнію всевозможныхъ синицъ изавирушекъ, Николай Михайловичъ мечтою уно-

сился еще дальше — въ роскошную Сы-чуань, съ ея бамбуковыми зарослями, обезьянами, лафофорами... Никогда и нигдѣ мы не были такъ высоко счастливы, такъ чисты сердцемъ, такъ воспріимчивы ко всему прекрасному, святому, какъ только

въ такихъ очаровательныхъ мѣстахъ, среди лѣсовъ и горъ, среди дикихъ рѣкъ и рѣчекъ, среди живой, дѣвственной природы...

Дальнѣйшій путь лежалъ въ сѣверо-восточный Тибетъ, гдѣ экспедиціи въ теченіе лѣта удалось обслѣдовать большой районъ въ бассейнахъ Желтой рѣки и Ян-цзы-цзяна... На озерахъ верхней Хуанъ-хэ Пржевальскій съ отрядомъ дважды подвергся лихимъ нападеніямъ тибетцевъ-разбойниковъ, племени н'голокъ, но обѣ атаки эти были блестяще отбиты: «Когда разстояніе между нами и разбойниками», разсказываетъ о своей второй атакѣ Николай Михайловичъ, «сократилось до пятисотъ шаговъ, я скомандовалъ «пли» и, — полетѣлъ нашъ первый залпъ; затѣмъ началась учащенная пальба. Однако тангуты продолжали скакать, какъ ни въ чёмъ не бывало. Ихъ командиръ скакалъ нѣсколько влѣво отъ шайки, берегомъ самаго озера и, ободряя своихъ подчиненныхъ, кричалъ, какъ намъ поможетъ».

Черезъ нѣсколько мгновеній лошадь подъ этимъ командиромъ была убита, и самъ онъ, вѣроятно раненый, согнувшись побѣжалъ назадъ. Тогда вся шайка, не доскачившая до насъ менѣе двухсотъ шаговъ, сразу повернула вправо и скрылась за ближайшій увалъ. Тамъ разбойники спѣшились и открыли въ насъ пальбу, на разстояніи около трехсотъ шаговъ. Мы же не могли стрѣлять въ закрытыхъ уваломъ тангутовъ. Тогда я рѣшилъ наудалую штурмомъ выйти ихъ изъ этой засады. Все равно — тангуты могли насъ перехватить на «сверженіи» «турьи» той мѣстности, или, ободрившись нашею нерѣшительностью, снова броситься въ атаку. Теперь же роли выгодно для насъ перемѣнились — мы самишли на разбойниковъ и такою дерзостью искусили свою малочисленность.

«Оставилъ для прикрытия бивуака поручика Роборовскаго съ пятью казаками, съ остальными семью я отпра-

вился выбивать тангутовъ. Эти по-слѣдніе, увидавъ, что мы бѣжимъ къ нимъ, открыли по насъ частую пальбу, которая затѣмъ вдругъ стихла. Когда же первый изъ насъ, именно урядникъ Телешовъ вѣбѣжалъ на увалъ, то оказалось, что разбойники бросили свою отличную позицію, чтобы успѣть во время сѣсть на коней. Конечно, при этомъ произошла немалая суматоха, пользуясь которой, мы открыли съ занятаго теперь увала пальбу въ кучу разбойниковъ и убили нѣсколькихъ. Но, какъ и прежде, тангуты подхватывали на всемъ скаку почти всѣхъ своихъ погибшихъ или раненыхъ товарищъ и увозили ихъ съ собою.

«Отбитые съ ближайшей къ намъ позиціи разбойники скрылись за слѣдующій увалъ. Тогда, воспользовавшись нѣсколькими свободными минутами, мы живо проторли смоченными тряпками законѣльные, сильно нагрѣвшіеся стволы своихъ винтовокъ, и пополнили запасъ патроновъ. Ихъ принесъ къ намъ на увалъ переводчикъ-китаецъ, тотъ самый, который при первомъ ночномъ нападеніи, забился въ палаткѣ подъ войлоки и долго не выходилъ оттуда. Теперь же онъ набрался храбрости и, кромѣ патроновъ, притащилъ ведро воды для питья.

«Засѣвши на второмъ увалѣ, тангуты вскорѣ открыли опять по насъ стрѣльбу. Пришлося ихъ вновь выбивать. Но нельзя было оставить и занятый увалъ, иначе мы могли быть отрезанными отъ своего бивуака. Тогда я остался самъ-третей на этомъ увалѣ и послалъ вольноопредѣляющагося Козлова съ четырьмя казаками «передѣвъ» и «нѣсколькѣ» въ «турьи», а небольшую горку, откуда пальбою берданокъ разбойники вскорѣ были прогнаны изъ новой своей засады. Между тѣмъ часть шайки, человѣкъ около пятидесяти, полагая, что нашъ бивуакъ оставленъ безъ прикрытия, бросились туда, но были встрѣчены пальбою оставленныхъ людей и отбиты. Тогда, видя всюду неудачу, тангуты начали отступать къ горамъ,

останавливаясь, где можно, за бугорками и небольшими увалами. Мы провожали негодяев пальбою, пока только могли долетать пули берданокъ. Наконецъ, вся орда выбралась изъ сферы нашихъ выстрѣловъ и, собравшись въ кучу, остановилась, вѣроятно, для перевозки раненыхъ. Въ это время выѣхала изъ горъ новая партия, человѣкъ въ пятьдесятъ, вѣроятно, оставшихся на бивуакѣ; они присоединились теперь въ своимъ

заключеню, до тридцати человѣкъ». Слава о горстѣ русскихъ путешественниковъ быстро распространялась съ одной стороны къ Пекину, съ другой къ западному Тибету и Туркестану. Восточный Туркестанъ экспедиціей Пржевальского быть пересѣченъ на всемъ его протяженіи. Караванъ драгоценныхъ коллекцій выросъ до большихъ размѣровъ и ровно черезъ два года вступилъ, наконецъ, на родную землю.

Тибетцы разбойничьяго племени н'голкъ.

товарищамъ. Мы оставались на прежнихъ позиціяхъ, ожидая нового нападенія. Но тангуты, простоявъ еще немного, направились, въ наступавшія уже сумерки, въ горы тѣмъ самымъ ущельемъ, которымъ выѣхали. Когда разбойники скрылись, мы вернулись на свой бивуакъ. Здѣсь оказалась раненою одна лошадь, которой тангутская пуля попала въ ногу. Всѣ же мы опять уцѣлѣли. Стычка продолжалась болѣе двухъ часовъ, и за это время мы выпустили около восьмистотъ патроновъ. Разбойниковъ было убито и ранено, по нашему общему

Вблизи первого русского города Каракола путешественники были встрѣчены соотечественниками, радушно предложившими имъ русскую «хлѣбъ-соль», а въ самомъ городѣ начальникъ экспедиціи быть осчастливленъ поздравительной депешей Наслѣдника Цесаревича «съ благополучнымъ окончаніемъ многотрудной экспедиціи и пріобрѣтенными результатами».

«Такъ сегодня—седьмого ноября», записалъ Николай Михайловичъ въ своемъ дневникѣ, «окончилось четвертое мое путешествіе по Центральной Азіи. Ровно два года провели мы

въ пустыняхъ, вдали отъ всего цивилизованаго міра. Но мила и дорога сердцу свободная странническая жизнь. Какъ въ прежніе разы, такъ и теперь жалко, больно съ нею разставаться, быть можетъ, надолго, если только не навсегда. Тяжело подумать о послѣднемъ, но годы налетаютъ одинъ за другимъ, и, конечно, наступить время, когда уже невозможна будетъ выносить всѣхъ трудовъ и лишений подобныхъ путешествий. Пусть же—если только мнѣ не суждено болѣе ити въ глубь Азіи—вспоминанія о видѣнномъ тамъ и со-дѣянномъ въ теченіе долголѣтнихъ странствованій будутъ для меня отрадою до конца жизни. Пусть съ именами Лобъ-нора, Куку-нора, Тибета и многими другими будутъ воскресать въ моемъ воображеніи живые образы тѣхъ незабвенныхъ дней, которые удалось мнѣ провести въ этихъ невѣдомыхъ странахъ, среди дикой природы и дикихъ людей, на славномъ поприщѣ служенія наукъ»...

Императорское Географическое Общество привѣтствовало славнаго путешественника въ торжественному собраніи, происходившемъ въ концертномъ залѣ дворца великой княгини Екатерины Михайловны, а Императорская Академія Наукъ выразила неутомимому путешественнику особенную признательность и выбила въ честь Пржевальского золотую медаль, на лицевой сторонѣ которой изображенъ портретъ путешественника, съ надписью вокругъ: «*Николаю Михайловичу Пржевальскому Императорская Академія Наукъ* 1886», а на обратѣ надпись: «*Первому изслѣдователю природы Центральной Азіи*», окруженнаго лавровымъ вѣнкомъ.

Послѣ возвращенія изъ путешествія и обычного пребыванія въ Петербургѣ,

Пржевальскій поселился въ любимой имъ Слободѣ и занялся составленіемъ книги. Удаленная отъ желѣзныхъ дорогъ Слобода для чуткой души Пржевальского была незамѣнна. Постоянными гостями его были мы—спутники. Особенно хорошо мнѣ памятно время, проведенное въ Слободѣ осенью 1887 года, послѣ окончанія училища. Въ Слободѣ меня ожидалъ чудный подарокъ—ружебробникъ, изготовленное по заказу въ Вѣнѣ. Нѣжный сердцемъ, обаятельный душою, отецъ-другъ—Пржевальскій встрѣтилъ меня самыемъ удивительнымъ образомъ. Никогда я не забуду счастливыхъ минутъ, когда «слободская» тройка подкатила меня къ крыльцу наваго дома, гдѣ, ориентировавшись по колокольчику подъ дугой, уже стояла радушный

хозяинъ. На лицѣ Николая Михайловича играла очаровательная улыбка... Его штатъ—няня Макарьевна, управляющей Денисовъ, grenadery-охотники, дворовый поваръ Архигъ—всѣ эти хорошие люди находились тутъ же, и всѣ они такъ же улыбались и такъ же крѣпко обнимали меня, какъ и самъ Николай Михайловичъ. Прежде, нежели войти въ домъ, Пржевальскій повелъ меня къ вѣсамъ, опредѣлилъ мой вѣсъ, отмѣтилъ цифру въ своей памятной книжкѣ, чтобы потомъ, передъ отѣзломъ, сдѣлавъ то же самое, знать результатъ пребыванія гостя въ Слободѣ. Только потомъ, взявъ подъ руку, Николай Михайловичъ повелъ меня въ домъ, наверхъ, въ «мою» комнату, «чтобы привести себя въ порядокъ». Затѣмъ, мы спустились внизъ—въ кабинетъ, гдѣ невольно остановились у шкафа съ оружіемъ. Николай Михайловичъ или «Пшева», какъ я часто называлъ его, заставилъ меня взять въ руки, «поздороваться», сначала съ

Тибетские разбойники несутся въ атаку.

штуцеромъ Ланкастеромъ, потомъ съ дробикомъ Пёрде, тѣмъ и другимъ прицѣлиться или приложиться. «Вотъ, иносказательно замѣчаетъ Пржевальскій, «Лянъ» (сокращенное Ланкастеръ) скучаетъ по тибетскимъ мѣдвѣдямъ и дикимъ якамъ, и зоветъ меня опять туда. Пожалуй, пойдемъ, какъ ты думаешь? — Я, улыбаясь, тихо произнесъ: «конечно, пойдемъ». Изъ кабинета, черезъ гостиную, проходимъ въ столовую, гдѣ насы ожидають всякаго рода зайдочки, усладеньки, запивочки... Говоримъ не наговоримся... при видѣ чучель голубого фазана, зеленаго всэре, вспоминаемъ Гань-су, Тэтунгъ; при видѣ оронго — Тибеть... А виды въ окна манятъ въ садъ. Вотъ терраса, вотъ прудъ, вотъ родная хатка, а вотъ и холмъ съ знакомыми березами, подъ сѣнью которыхъ мы столько разъ подолгу засиживались, любуясь на открытые воды озера Сопша, и на заозерный лѣсъ, убѣгавший въ даль.

Дыша полной грудью, я скоро опьянился отъ здѣсоваго деревенского воздуха, слободская же тишина и дружеское общеніе съ Пржевальскимъ очаровали мою душу... Я долго не могъ заставить себя уйти съ холма, а между тѣмъ, на землю спустилась ночь, небо заискрилось звѣздами...

— А помнишь ли, Кизо, — заговорилъ вдругъ Николай Михайловичъ, — тотъ вечеръ, который рѣшилъ твою судьбу, тотъ вечеръ, когда ты одинъ сидѣлъ на крыльцѣ паштакинского домика и любовался небомъ; помнишь ли, какъ я, проходя тогда въ свою хатку, спросилъ тебя: «Чѣмъ вы здѣсь занимаетесь?» а ты отвѣтилъ мнѣ:

«любуюсь красотою неба, которое тамъ у васъ, въ Азіи, должно быть еще чище, еще прозрачнѣе!.. Тотъ вечеръ ты долженъ помнить: въ тотъ вечеръ твоя душа открылась мнѣ, и я узналь въ тебѣ своего будущаго спутника — родную, близкую душу.

Мечты наши далеко унеслись по пространству и по времени и еще сильнѣе манила насы къ себѣ наша *занѣтная* даль...

Въ ближайшіе дни я объѣхалъ всѣ знакомыя красивыя окрестности, но попрежнему самымъ любимымъ мѣстомъ оставалась Чортова грязда, открывавшая во всю ширь Слободское озеро. За все время моего пребыванія въ Слободѣ стояла пріятная, ясная погода, дававшая возможность отлично походить и на рѣкѣ, и въ лѣсу «съ загономъ». Въ тѣ дни, когда Николай Михайловичъ сидѣлъ за писаніемъ книги, я приводилъ въ порядокъ и разставлялъ въ шкафы его интересную библіотеку. Такимъ образомъ, незамѣтно прошло время моего отпуска, за которое я хорошо отдохнулъ, еще лучше поправился и прибылъ въ вѣсѣ, чѣмъ доставилъ немалое удовольствіе гостепріимному хозяину. Теперь я долженъ былъѣхать къ мѣсту новой службы въ Москву, и ждать официальнаго назначенія въ составъ пятой экспедиціи Пржевальскаго.

Разставаніе со Слободой было самое трогательное: рѣдкій родной отецъ такъ сердечно, съ такою горячею любовью напутствуетъ и провожаетъ своего сына, какъ напутствовалъ и проводилъ меня мой незабвенный учитель...

V. Преждевременная смерть Н. М. Пржевальского у порога пятаго путешествія.—Научные результаты экспедицій Н. М. Пржевальского.

Самъ Николай Михайловичъ засидѣлся въ Слободѣ до полнаго окончанія книги, до марта 1888 года, когда прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же представилъ совѣту Императорскаго Географическаго обще-

ства программу своего будущаго *плана* путешествія, и на этотъ разъ исключительно въ Тибеть.

Издание научныхъ результатовъ его прежнихъ экспедицій было обезпечено за счетъ двадцати пяти тысячъ

Возвращение съ удачной охоты Н. М. Пржевальского весною 1885 г.
на озеръ Лобъ-норъ.

Снимокъ съ акварели, исполненной другомъ Н. М. Пржевальского—индейскимъ генераломъ барономъ А. А. Бильдерлингомъ. После смерти Н. М. Пржевальского генералъ Бильдерлингъ подарилъ этотъ портретъ И. К. Козлову, при письмѣ: «уваж., кнѧзь ученику и постоянному послѣдователю Николая Михайловича, портретъ этотъ можетъ служить приятнымъ воспоминаніемъ».

П. К. Козловъ, Н. М. Пржевальскій, В. И. Роборовскій.
Сзади—конвой экспедиції.

Экспедиціонный отрядъ Н. М. Пржевальского
на пути въ городъ Караколь осенью 1888 г. (за мѣсяцъ до смерти Н. М. Пржевальского).

рублей, пожалованныхъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ. Въ августѣ книга была издана подъ заглавиемъ: «Четвертое путешествіе въ Центральной Азіи. Отъ Кахты на истоки Желтой рѣки; изслѣдованіе сѣверной окраины Тибета и путь черезъ Лобноръ по бассейну Тарима».

18 августа Николай Михайловичъ въ послѣдний разъ покинулъ Петербургъ, отправляясь въ пятое путешествіе. Дальнѣйший путь изъ Самарканда до Каракола предстояль исключительно почтовый съ продолжительной остановкой въ Пишпекѣ, изъ которого Николай Михайловичъ уѣзжалъ въ Вѣрный за получениемъ купленного тамъ китайского серебра, на расходы въ предстоящемъ путешествіи. На обратномъ пути, уже вблизи Пишпека, среди камышевыхъ зарослей, онъ встрѣтилъ массу фазановъ и на слѣдующій день отправился съ Роборовскимъ поохотиться

за этими красивыми пернатыми. Эта поѣздка вышла роковой: охотясь въ камышахъ, Николай Михайловичъ нѣсколько разъ пилъ сырую воду какъ разъ въ тѣхъ мѣстахъ, где незадолго передъ тѣмъ жили киргизы, повально страдавшіе тифомъ. Мы долгое время не хотѣли вѣрить, чтобы Пржевальский могъ позволить себѣ дѣлать то, чего не позволялъ намъ, въ данномъ случаѣ — никогда не пить некипяченую воду, а самъ... самъ пилъ и самъ признался въ этомъ...

Покончивъ вопросъ съ покупкой верблюдовъ и другими менѣе сложными дѣлами, Николай Михайловичъ восьмого октября оставилъ Пишпекъ, а десятаго ужъ прибыль въ Караколь. На слѣдующее утро прѣѣхали туда и я съ Роборовскимъ. На наше замѣчаніе, послѣ первыхъ привѣтствий, какой Николай Михайловичъ чистенъкій и приличный, онъ намъ

отвѣтилъ: «да, братцы! я видѣлъ себя сегодня въ зеркало такимъ старымъ, страшнымъ, что просто испугался и скорѣе выбрился».

Въ небольшихъ каракольскихъ домушкахъ Пржевальскому не нравилось—не хватало простора, чистоты, воздуха... Въ одинъ день пришлось перемѣнить нѣсколько квартиръ, и даже та, на которой онъ, наконецъ, остановился—его не удовлетворяла.

— Здѣсь, — говорилъ онъ,—тоже мрачно, гадко и выйти некуда; по улицамъ же шляться я не люблю. Надо посмотреть мѣсто за городомъ, ближе къ горамъ, тамъ поселимся въ юртахъ, по-экспедиціонному.

Четырнадцатого октября мы расположились бивуакомъ за городомъ. Пржевальскій самъ приводилъ въ порядокъ бумаги, денежные расчеты и выдалъ намъ записочки, сколько нашихъ денегъ находится у него на храненіи.

На слѣдующій день Николай Михайловичъ имѣлъ уже видъ больного человѣка и впервые пожаловался на нездоровье, но пригласить доктора не соглашался.—Не въ первый разъ это, говорилъ онъ, и такъ пройдетъ. Все время, въ теченіе дня, онъ находился въ юртѣ въ полу-лежачемъ положеніи и самъ себѣ измѣрялъ температуру и отсчитывалъ пульсъ.

Въ ночь съ пятнадцатаго на шестнадцатое октября больной спалъ неспокойно, температура повысилась, но утромъ онъ почувствовалъ маленькое облегченіе и вышелъ на воздухъ. Шагахъ въ трехстахъ расположился бурый грифъ и привлекъ вниманіе Пржевальского. Николай Михайловичъ спросилъ его любимую «американку» — и выстрѣломъ изъ нея эффектно убилъ грифа. Стоявшие поодаль киргизы ахнули отъ удивленія. Вскорѣ грифа притащили

бивуакъ и, любуясь этой царственной птицей, Пржевальскій замѣтилъ: вотъ это для меня лекарство...

...Утромъ семнадцатаго числа болѣзнь Николая Михайловича усилилась, и онъ согласился, наконецъ, послать за докторомъ.

Но послѣдній часъ уже былъ близокъ...

Въ августѣ 1888 года Пржевальскій трогательно простился со Слободой и со старушкой няней, а черезъ два мѣсяца, на порогѣ пятаго путешесствія, онъ еще болѣе трогательно прощался съ нами—спутниками.

— Похороните меня непремѣнно на Иссыкъ-кульѣ, на красивомъ берегу. Надпись сдѣлайте просто: «Путешественникъ Пржевальскій». Положите въ гробъ въ моей экспедиціонной одеждѣ. Пожалуйста, докторъ, не анатомируйте меня. Ты

(обращаясь къ Роборовскому) сними съ меня фотографію съ Ланкастеромъ. Ланкастеръ оставилъ Роборовскому, Пердѣ—Козлову, «Слободу» передаю Володѣ (племяннику) въ майоратъ...

На утро, двадцатаго октября, Николаю Михайловичу стало очень худо. Лежа на правомъ боку, онъ бредилъ, прикрывъ лицо рукою. По выражению нижней части лица можно было думать, что онъ плакать. Потомъ вдругъ, поддерживаемый нами, всталъ во весь ростъ и, посмотрѣвъ кругомъ,—сказалъ: «ну теперь я лягу»...

Мы помогли лечь; лицо и руки стали желтѣть... нѣсколько учащенныхъ дыханій, два-три глубокихъ вздоха, и Николая Михайловича не стало.

Слезы, горькія слезы душили каждого изъ насъ... Минѣ казалось, такое горе пережить нельзя... да она и теперь еще не пережито.

Послѣ отпѣванія печальная процессія двинулась за городъ, къ мѣсту погребенія. Провожавшихъ было много. На перекресткахъ дорогъ встрѣ-

Бурый грифъ-монахъ.

чалась масса всадниковъ-киргизовъ, стоявшихъ съ обнаженными головами. Всю дорогу, двадцать верстъ, пѣли пѣвчіе, смѣняемы хоромъ музыки. Стояла прекрасная погода, солнце играло по ледянымъ вѣнцамъ Тянь-Шаня, въ прозрачной синевѣ неба рѣяли грифы-монахи.

Возлѣ могилы, зайдя впередъ, войска выстроились и пропустили съ должной почестью печальную процессію. Колесница-лафетъ сдѣлала заѣздъ къ могилѣ. Спутники-товарищи приняли съ нея послѣдній разъ на свои руки безцѣнныій прахъ и понесли по покатости, внизъ къ склепу. Залпы орудій и пѣхоты грозно разнесли грустную вѣсть далеко по озеру и окрестнымъ горамъ. Началась служба. Тяжелое риданіе возносилось, вмѣстѣ съ душевною мольбою, къ Всевышнему — упокоить великую душу усопшаго раба Николая...

Завѣтное желаніе покойного было исполнено: прахъ его остался навсегда въ Азии, и могила его находится у подножія Небеснаго хребта — тамъ, где высится стѣна этого хребта

и гдѣ его бѣлоснѣжныя вершины кружутся утопающими въ голубыхъ водахъ Иссыкъ-куля.

— Прошай, дорогой учитель, да будетъ легка тебѣ земля! Чистый сердцемъ, великій душою, ты приковывалъ насъ къ себѣ всѣмъ существомъ — и душой и тѣломъ; самъ же ты, со всѣмъ твоимъ умомъ и любовью привязывался только къ природѣ Азии и ея глубокому научному познанію. Привязавъ себя, ты старался привязать и насъ: да будетъ же твой завѣтъ навсегда хранимъ нами!

Вѣсть о преждевременной кончинѣ Пржевальского произвела не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ, скорбное впечатлѣніе...

Девятаго ноября 1888 года Императорское Географическое общество устроило чрезвычайное собраніе, посвященное памяти Николая Михайловича Пржевальского. Это собраніе было открыто рѣчью вице-предсѣдателя, П. П. Семенова-Тянь-Шанскаго. «Говорить о Пржевальскомъ можно, разумѣется, безконечно много... Въ

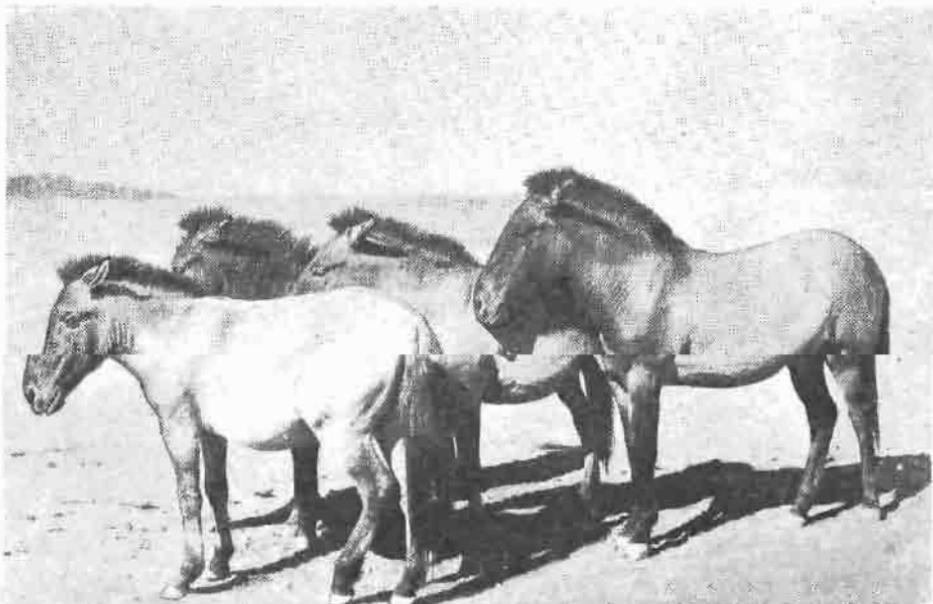

Могила и памятникъ Н. М. Пржевальскаго.

нашѣй средѣ совершилась вся его славная дѣятельность, съ нами дѣлился онъ первыми впечатлѣніями четырехъ великихъ своихъ путешествий въ глубь Азіи, передъ нами, писалъ онъ, съ свойственной ему талантливостью, въ промежуткахъ своихъ путешествий, свои томы; многимъ изъ васъ, присутствующихъ, передавалъ онъ для научной разработки собранные драгоцѣнныя материалы, съ нами составляль онъ смѣлые планы новыхъ путешествий; при нашемъ дѣятельномъ участіи снаряжался онъ въ свои экспедиціи. Однимъ словомъ, его дѣятельность въ теченіе двадцатилѣтія до такой степени сплелась съ дѣятельностью Географического общества, что лавры его вѣнка суть вмѣстѣ съ тѣмъ лучшіе лавры почти полуувѣковой дѣятельности нашего Общества.

Вамъ, конечно, извѣстно, что Пржевальскій удостоился всѣхъ высшихъ наградъ со стороны всѣхъ географическихъ обществъ, но не всѣмъ извѣстны тѣ отзывы, которыми сопровождались эти награды... Приведу прежде всего отзывъ барона Рихтгофена, знаменитаго геолога и путе-

шественника по Китаю, предсѣдателя Берлинскаго географическаго общества, по рецензіи котораго состоялось въ пользу Пржевальскаго присужденіе большой Гумбольдовской медали, первое по ея учрежденіи. Рихтгофенъ, свидѣтельствуя о томъ, что ни одинъ отдѣльный путешественникъ не расширилъ нашихъ познаній о Центральной Азіи въ такой мѣрѣ, какъ Пржевальскій, прямо и притомъ въ двухъ мѣстахъ своей рецензіи признаетъ его геніальнымъ путешественникомъ, обладающимъ необыкновенною наблюдательностью. Говоря объ одномъ изъ этнографическихъ очерковъ Пржевальскаго, Рихтгофенъ признаетъ очеркъ тотъ одною изъ самыхъ интересныхъ и привлекательныхъ этнографическихъ картинъ, какія только встрѣчаются въ современныхъ путешествіяхъ. Въ частности, говоря объ Алтынъ-тагѣ, Рихтгофенъ признаетъ научное открытие Пржевальскимъ этого хребта поразительнейшимъ географическимъ открытиемъ, имѣющимъ одинаково важное значеніе какъ для географіи, такъ и для уразумѣнія средне-азіатскихъ народныхъ отношеній.

Дикія лошади Пржевальскаго (*Equus Przewalskii*). Водятся въ Джунгаріи, около уроцища Гашунъ.

Памятникъ и могила (справа) Н. М. Пржевальского на берегу Иссыкъ-куля.

Памятникъ исполненъ по проекту друга Пржевальского барона А. А. Бильдерлинга.

Президентъ Лондонскаго географического общества, при присуждении Пржевальскому еще въ 1879 году высшей награды, находящейся въ распоряженіи Общества, высказалъ мнѣніе, что путешествіе Пржевальскаго по странѣ тангутовъ и сѣверному Тибету превосходитъ все то, что было обнародовано со временемъ Марко-Поло*), и ставить одинаково высоко заслуги Пржевальскаго, какъ географа и натуралиста, при этомъ г-нъ Алькокъ очень удачно догадывается, что побудила Пржевальскаго предпринять свои отчаянныя и опасныя путешествія его энтузіастическая любовь къ природѣ. Но если это такъ, прибавляетъ президентъ Лондонскаго географического общества, то тѣмъ болѣе чести Пржевальскому за то, что ему удалось привить къ своей страсти всѣ достоинства ученаго географа и самого отважнаго изслѣдователя неизвѣстныхъ странъ.

Президентъ Шведскаго географического общества, которое, въ присутствіи своего просвѣщенного и любящаго географическую науку государя, присудило Пржевальскому свою высшую награду, медаль Веги, послѣ того, какъ та же награда присуждена была знаменитымъ шведскимъ путешественникамъ—Норденшельду и Паландеру, и не менѣе знаменитому изслѣдователю внутренней Африки—Стэнли, поставилъ эти четыре имени въ первыя ряду современныхъ путешественниковъ и выразилъ при этомъ свое глубокое сочувствіе къ тому правительству, которое такъ великодушно содѣйствовало снаряженію его экспедиціи и съ такою честью представило свою страну въ географической наукѣ.

Этихъ трехъ отзывовъ достаточно для того, чтобы охарактеризовать мнѣнія о Пржевальскомъ ученыхъ обществъ въ Западной Европѣ.

«Многіе изъ присутствующихъ,—говорить академикъ Штраухъ—покойный директоръ Зоологическаго музея Академіи наукъ,—вѣроятно еще

* Марко-Поло (1254—1323)—венеціанскій путешественникъ, первый европеецъ, изслѣдовавший Центральную Азію.

помянуть грандиозное впечатление, которое производила устроенная въ началѣ 1887 года выставка, собравшая ныхъ Николаемъ Михайловичемъ предметовъ, наполнившихъ два болѣшихъ зала въ новомъ зданіи академіи и составлявшихъ сами по себѣ уже цѣлый музей. Если мы ограничились бы еще замѣчаніемъ, что всѣ коллекціи покойного образцово приготовлены и прекрасно сохранены, то не затронули бы главной ихъ стороны, научнаго значенія. Николай Михайловичъ чрезвычайно систематично и съ рѣдкимъ пониманіемъ относился къ своимъ сборамъ. Какъ превосходный наблюдатель, онъ съ педантичной обстоятельностью занесъ въ свои образцовые дневники всѣ наблюдавшіяся имъ биологическія явленія и другія свѣдѣнія. Такъ, по разъ заведенному плану, изъ года въ годъ дополнялись вмѣстѣ съ коллекціями и данными, часто неоцѣненной важности, касающіяся жизни центрально-азіатскихъ животныхъ; никакое, одолимое человѣческими силами препятствіе не было въ состояніи удержать Николая Михайловича отъ пополненія пробѣловъ, замѣченныхъ имъ въ своихъ материалахъ. Мертвые числа, показывающія количество привезенныхъ предметовъ, величайшая рѣдкость и большая денежная цѣнность многихъ изъ нихъ — все это блѣдило передъ тою научнouю цѣнностью, которую покойный сумѣлъ придать своимъ коллекціямъ, все это блѣдило передъ тѣмъ обстоятельствомъ, что Николай Михайловичъ поставилъ свой материалъ на высоту, соответствующую тѣмъ важнымъ изученіямъ, которыми сопровождалась изученіемъ животнаго населения Центральной Азии.

Академика-зоолога смѣнилъ на каѳедрѣ Географического общества академикъ-ботаникъ К. И. Максимовичъ. «Отрадное чувство встаетъ въ душѣ при мысли, что въ продолженіе тридцати съ небольшимъ лѣтъ, наука обязана Россіи научнымъ пріобрѣтеніемъ такихъ обширныхъ странъ какъ Сахамурскій и Уссурійскій края,

линъ, Туркестанъ, Монголія и съверный Тибетъ. Въ первыхъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ военнымъ занятіемъ явились и ученыя экспедиціи, и едва Европа успѣла узнать, что Амуръ принадлежитъ Россіи, какъ въ печати уже появились труды о флорѣ и фаунѣ ея. Впечатлѣніе, особенно въ Англіи, было глубокое: труды эти были толчкомъ для изданія цѣлаго ряда описаний колоніальныхъ флоръ».

Научные заслуги Н. М. Пржевальского всегда находили оцѣнку и съ высоты престола. Годъ вольнонархъ, двадцатого октября 1892 года, бюстъ Пржевальского былъ законченъ сооруженіемъ и открытъ въ Александровскомъ саду, въ Петербургѣ.

Нѣсколько позднѣе былъ поставленъ величественный памятникъ и на могилѣ Пржевальского, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля. Иссыкульскій памятникъ изображаетъ скалу, сложенную изъ большихъ глыбъ тянь-шаньского гранита. На вершинѣ скалы — большой бронзовый орелъ. Подъ когтями орла — карта Азіи, на бронзовомъ листѣ, съ нанесеніемъ маршрутовъ путешественника; въ клювѣ оливковая вѣтвь — эмблема мирныхъ завоеваній науки.

Городъ Караколь былъ переименованъ въ Пржевальскъ.

VI. Двадцатипятилѣтіе со дня смерти
Н. М. Пржевальского.

Двадцатого октября 1913 года исполнилось двадцать пять лѣтъ со дня смерти Н. М. Пржевальского. На дорогу Россіи могилу, ко дню чествованія памяти Пржевальского, былъ командированъ Петербургомъ пишущій эти строки.

Императорское Русское Географическое Общество, Императорская Академія Наукъ, Императорскій Ботаническій садъ Петра Великаго, Генеральный Штабъ и прочія просвѣтительныя учрежденія объединились мыслью воздать должное памяти покойного великаго изслѣдователя природы Центральной Азіи.

Каждое изъ этихъ ученыхъ учреждений, гордившееся славою Николая Михайловича, поручило мнѣ въ юбилейный день возложить на его могилу серебряный вѣнокъ съ соотвѣтствующей надписью. Я же лично понесъ особенно дорогой мнѣ могилѣ, святой тѣлѣ усопшаго, отчѣть о всемъ содеянномъ.

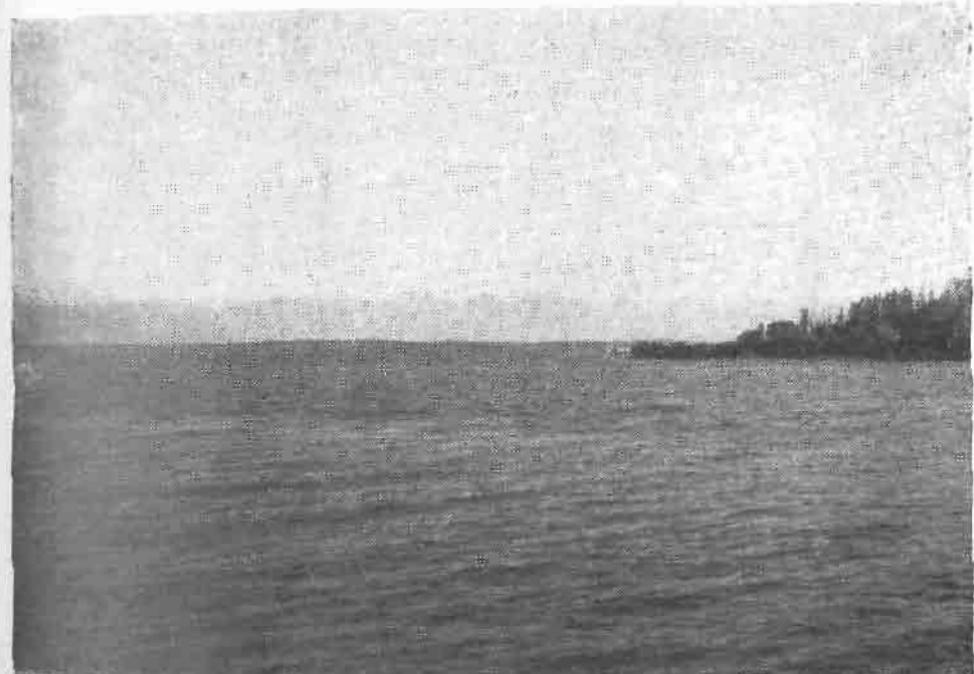
Оренбургская желѣзная дорога приблизила сердце русской Средней Азіи

въ дикое, каменистое ущелье Буама, выводящее путника на обширную, сказочно-красивую и привѣтливую долину Иссыкъ-куля.

Мы ъехали быстро, но мысль еще быстрѣе настѣ неслась...

Образъ Пржевальского воскресаль все ярче и ярче...

Въ такихъ мечтахъ и грезахъ мы прибыли въ городъ дорожного намѣ имени—Пржевальскъ...

Озеро Иссыкъ-куль у восточного берега. Снято отъ подножія обрыва съ памятникомъ Н. М. Пржевальскому.

къ родной столицѣ. Вѣдь только четверо съ половиной сутокъ—и вы въ резиденціи туркестанскаго генераль-губернатора.

Туркестанъ—великолѣпный край: бирюзовое небо, яркое солнце, среднероссійскій лѣтній воздухъ. Въ сердцѣ страны—Ташкентъ жизнь бѣть ключомъ, городъ растеть и растеть...

Отъ Ташкента до Пржевальска осенний переѣздъ на почтовыхъ носиль харacterъ пріятной прогулки. Каждый день приближалъ къ завѣтной цѣли; особеннымъ образомъ скжалось сердце при видѣ грандиознѣйшей картины природы Центральной Азіи, при вѣздахъ

Пріѣхавъ въ Пржевальскъ, мы черезъ часъ-другой уже были у родной могилы, отстоящей отъ города въ 12 верстахъ къ сѣверо-западу, на высокомъ берегу Иссыкъ-куля.

Обѣ цѣпи Тянь-Шаня, покрытыя снѣгомъ, блестѣли и искрились на солнцѣ, какъ въ серебрѣ...

Между цѣпями горъ широко разстилалась изумрудная поверхность прелестнаго Иссыкъ-куля.

Прилавъ къ могилѣ, я чувствовалъ живое, сильное общеніе съ духомъ великаго учителя...

Пріѣхавъ за двѣ недѣли до 20 октября, я имѣлъ возможность часто

бывать у дорогой могилы, у тѣни усопшаго, и любоваться красотами природы по нѣсколько часовъ кряду. Иногда мы на нѣсколько дней выѣзжали на берегъ озера, жили у гостепріимныхъ пржевальцевъ, и во всякое время дня, вечера и даже ночи поднимались на высокій, живописный берегъ Иссыкъ-куля и проводили тамъ цѣлые часы.

Такъ незамѣтно приблизился и знаменательный день 25-лѣтней годовщины смерти незабвеннаго Н. М. Пржевальского.

Этотъ день собралъ къ дорогой Россіи могилѣ почти весь Пржевальскъ, все русское и инородческое населеніе: у могилы и памятника стояло много народа, стояль и я—его ученикъ и послѣдователь. Мы всѣ объединились, всѣ слились мощнымъ духомъ героя путешественника.

Какъ въ день похоронъ, такъ и въ день 20 октября въ голубомъ прозрачномъ небѣ красиво скользило яркое солнце, Тянь-Шань отливалъ блескомъ синѣговъ, Иссыкъ-куль—темной синевой, а надъ нами париль царственный грифъ-манахъ.

За торжественной панихидой у могилы усопшаго, послѣдовала парадъ; среди гробовой тишины и величія окружающей природы,—особенно трогательны для души были звуки «Коль Славенъ».

Могила и памятникъ горды величіемъ. Надмогильная плита убралась вѣнками.

Какъ этотъ бронзовый орель, стражившій безцѣнныій прахъ героя

путешественника—Пржевальскій лѣтать за грань русской земли, за хребты и пустыни и всякий разъ возвращался съ богатой добычей.

Онъ зналъ, что надо изучать, онъ зналъ, что надо взять для обогащенія отечественныхъ музеевъ, и какъ орель на своихъ могучихъ крыльяхъ, приносить родинѣ богатство и славу.

Своими полетами въ Центральную Азію, Пржевальскій увлекался и увлекалъ другихъ его сопутствующихъ, юныхъ птенцовъ, которыхъ онъ воспитывалъ, училъ и натаскивалъ на самостоятельный путь.

Четыре великихъ полета совершилъ Н. М. Пржевальскій, на пятомъ—злокачественный недугъ остановилъ его.

Пржевальскій какъ орель приспистиль крылья и сказалъ:

— Теперь я лягу, но лягу здѣсь, на стражъ родной земли, у порога дорогой родины, у синяго простора озера, у подножія Небеснаго хребта. А вы, мои птенцы, доканчивайте начатое мною святое дѣло!

Тѣсной дружбой и любовью къ своимъ ученикамъ-спутникамъ Н. М. Пржевальскій привилъ къ нимъ безсмертіе его идеи, и дѣйствительно, мы можемъ сказать—умеръ Пржевальскій, но велика и безсмертна его идея.

Исполнимъ же послѣднее завѣщаніе его! Найдемъ въ нашей географической средѣ отважныхъ и знающихъ путешественниковъ, готовыхъ закрѣпить за нами научное завоеваніе Центральной Азіи!

Надмогильная плита съ надписью, напѣсанной Н. М. Пржевальскимъ.

